

Вет. Москва. - 1991. - 28 июня. - с. 6
Лицо и личность

С КОРАБЛЯ НА БАЛ

ОТ октябрьский вечер в Тбилиси после московской холодной погоды показался мне полетному душным. В аэропорту встречали друзья в легких платьях и костюмах. Я, в плаще, толстом свитере и сапогах, на их фоне выглядела нелепо. Да еще в самолете уши так заложило, что не сразу дошел смысл сказанного: «Сначала домой, переоденешься, а потом к Нани. Она вчера вернулась с гастролей». «Нани... Господи, Нани Бреговдзе!» — наконец сообразила я. Ведь друзья уже давно обещали познакомить со знаменитой певицей.

Я восхищалась ею. Голос, низкий и сильный, не ласкал слух благозвучием легкомысленного ручейка — он проникал в сердце, нежно ранил его ностальгией по чему-то несбывшемуся и прекрасному. Иногда чудилось, что это поет сама Грузия...

Около десяти вечера мы поднялись на второй этаж старинного дома. Дверь открыла сама Нани, не загадочная корселева, как на

звезда на певческом небосклоне. Звезды, как известно, бывают разные. Одни ослепительно вспыхивают на миг и гаснут, другие лишь холодно мерцают. Звезда Нани несет в себе чистый и светлый огонь, который греет.

РОЖДЕНИЕ ИМЕНИ

— Нани, ваше имя само, как песня. Странно, в Грузии столько Нан, Нон, Нин, а Нани единственная?

Мы сидим в гостинице грузинского постпредства, где певица обычно останавливается в свои московские приезды, и расспрашиваем ее обо всем на свете, чтобы потом из слов, интонаций, пауз и глубоких вздохов, невольных улыбок нарисовать портрет Нани Бреговдзе сегодняшней. Но тут же ловим себя на том, что практически ничего не знаем о Нани вчерашней, кроме разве что ее успеха, ее таланта, ее «Снегопада»... Кто она, кто ее родители и вообще, как так получилось, что она заняла в жизни многих людей свое, только ей предназначенное место?

Нани БРЕГВАДЗЕ:

«Я ЕЩЕ НЕ УСПЕЛА ИСПИТЬ СВОЮ ОСЕНЬ...»

концертах, а худенькая, неброско одетая. Она приветливо улыбнулась нам, и в этот же миг из глубины квартиры донеслось пронзительное: «Ббия!!!» На лестничную клетку выкатились два карапуза и тут же вцепились в бебюбабушку. Нани смущенно, но не без гордости представила: «Это Леванико и Гогиго, мои внуки».

В просторной комнате, куда нас проводили, оказалось немало знакомых лиц — Софиго Чиаурели, отец и сын Калатозишвили, Вахтанг Кикабидзе... А гости все прибывали, несмотря на поздний час. Соседи по столу не успевали шептать мне на ухо: «Это актер из театра Роберта Стурра, а там, видите, только что вошла внучка знаменитого Серго Закариадзе Нино, начинающая актриса...». О чем только ни говорили в тот памятный для меня осенний вечер восемьдесят второго года — о музыке, о новых фильмах и спектаклях, о художниках, о Наниных гастролях, предстоящей премьере новой программы. Вот уж, действительно, попала я с корабля на бал — на бал грузинской культуры.

А потом кто-то взял в руки гитару, и с разных концов стола к ней устремились двоюродные брат и сестра Нани — Ивиго и Циала. И вдруг из гомона спорящих, смеющихся, вопрошающих голосов как-то незаметно выросла песня и поплыла все выше и выше. Все смолкли. Лица стали светлыми, как в храме. Тихо встала за плечами покоющих Эка, дочь Нани, и мы услышали, как бережно вплетается в кружево мелодии ее голос какого-то неземного, небесного тембра. Наконец, гармония достигла такого совершенства, такой высоты, что казалось: любое вмешательство, любое прикосновение разрушит ее. Но тут, набирая мощь, в песне зазвучала страстная, только Нани Бреговдзе свойственная интонация, и мы поняли, что высота может быть глубокой...

П ОЧТИ десять лет прошло с того импровизированного домашнего концерта. Дочь Эка стала профессиональной певицей и приобрела популярность в Грузии. Уже не раз они выступали вдвоем с мамой. Подросли внуки Леван и Георгий. А их любимая ббия — по-прежнему крупная

— История моего имени довольно интересная. Мои мама и папа в молодости были хороши собой и по этой причине часто снимались в кино. Отец, кстати, окончил к тому времени театральную студию. Однажды их пригласили участвовать в фильме «Золотая долина». Так уж получилось, что три актрисы, занятые в нем, — Ната Вачнадзе, Верико Анджарадзе и моя мама, — были беременные. А в ленте рассказывалось о безумной любви главных героев Нани и Георгия. Вот вся съемочная группа и решила: родится девочка, назовем Нани, мальчик — Георгием. Первой на свет появилась я. Вслед за мной — Георгий Шенгелая. А третьим младенцем была Софиго Чиаурели.

— И повторилась судьба Нани и Георгия?

— Нет, вышла другая пара: Георгий и Софиго. Зато Георгий Шенгелая стал крестным отцом моей Эки. Так что все равно породнились... Имя Нани киношное, скорее всего, надуманное. А потом сам грузинский католикос окрестил меня Ниной. Так что у меня два имени.

— А когда вы впервые запели?

— Мне было... два года. К маминскому удивлению, я однажды абсолютно верно повторила мелодию, которую она мне часто напевала. Мама и стала моим первым учителем пения. Вы же знаете, в Грузии, как и в Италии, все поют. Но дело в том, как петь — может быть великолепный голос, а исполнение ужасное. Наши народные песни — хорошая школа. В них присутствует глубина мелодии, о тексте я уже не говорю... Если кому-то удастся постичь это искусство, то потом он может справиться с любой мелодией.

И вот что удивительно. Мама моя — никакой не профессиональный музыкант, а вкус у нее безукоризненный. Даже сейчас она по-прежнему взыскательна к моему творчеству. Послушает на концерте и осторожно так, сама деликатно, спрашивает: «Тебе это нравится?». Если вопрос звучит именно так, я понимаю, что что-то в моем исполнении не отвечало ее высоким меркам.

Этот самый вкус у нее в крови. Бабушка ее была певицей, а отец — князь и выпускник Петербургского университета — был просто

помешан на искусстве и своих семилетних детей приобщал к прекрасному. Моя мама с сестрой в двенадцатилетнем возрасте выступала в благотворительном концерте. У тети был изумительный голос, за него она в юности, выступая на декаде грузинского искусства, еще до войны, даже орден получила. Пела и другая наша родственница, Нина Чхейдзе, актриса. Так что у меня просто выхода другого не было — пришлось запеть...

Помню себя в детском саду — я сижу в белом фартучке на столе с гитарой в руках и пою по-русски. Наверное, это со стороны было очень смешно, потому что языка тогда я не знала, дома говорили по-грузински. Когда гости к нам приходили и, как водится, просили ребенка что-нибудь «изобразить», я обязательно — без этого просто у меня ничего не получалось — надевала на голову накидку и объявляла: «Сейчас я вам спою с чувством».

— И это, судя по всему, стало потом вашим стилем?

— Раньше, в молодости, мне иногда приходилось петь, так сказать, механически, держа текст в руках и заглядывая в него. Выхо-

дило — пустое... Глубина приходит с годами. Нельзя выходить на сцену, не прожив сердцем каждое слово песни, всю гамму состояний. Возьмите русский романс — сколько в нем музыкальных нюансов. «Я так любила вас» — банальнейшие по сути слова. Но послушайте, что за ними...

Нани трижды повторяет на разные лады эти строки, и мы слышим: «Я так любила вас», — горечь прощания, «Я так любила вас» — отчаяние, «Я так любила вас» — надежда...
— Я как бы пою для Него, единственного, причинившего так много боли, я хочу, чтобы Он понял хорошенько: да, вроде бы, уже и не люблю, а все равно жить без него не могу!

— В ваших песнях всегда удивительный текст. Знаем, что поэт Петр Грозинский писал специально для вас.

— Петр обладал потрясающим даром постигать глубину переживания. Даже не представляю, кто бы мог после него творить подобное. Иногда мне кажется, что если бы я была сейчас молода и начинала все с нуля, вряд ли бы стала тем, кем стала. Наверное, была бы, как все, исполняла глупую тарбарщицу под ритмы сомнительного рока...

— Помните ваш первый большой успех?

— Когда я была студенткой консерватории, меня неожиданно пригласили поучаствовать в гастролях самодеятельного коллектива Тбилисского политехнического института в Польшу. Оказывается, по нашему городу прошел слух, что я замечательно пою, а Медея Гонглиашвили, тоже студентка консерватории, замечательно играет на фортепиано. В Польшу мы так и не поехали, зато попали на Московский фестиваль молодежи и студентов. И вернулись оттуда лауреатами. Мои грузинские друзья гордились мною, а мне казалось — ну и что, подумаешь, ничего особенного.

НАЕДИНЕ СО ВСЕМИ

КОГДА Нани Бреговдзе с корзинкой в руках идет по тбилисскому базару, это надо видеть. Широко улыбаясь, крестьяне протягивают ей помидоры, золотистые груши, гроздья винограда. Каждому хочется хоть чем-ни-

будь одарить любимую певицу. Это называется популярностью в народе.

На ее концертах в Тбилиси, Ленинграде, Нью-Йорке или Тель-Авиве собираются тысячи поклонников.

— Каждый раз, стоя на сцене перед публикой, я удивляюсь: неужели все они пришли сюда только ради меня? — и задыхаюсь от счастья... Я очень уважаю своего зрителя, я, если честно, перед ним благоговее. — Нани раскидывает руки, словно желая обнять как можно больше людей.

— Почему же вы так редко теперь выступаете в Москве?

— Вы мне, наверное, не поверите, но я боюсь... провала. В последнее время вкусы здесь, по моему, изменились. Ажиотаж возникает вокруг исполнителей такого низкого уровня, что остается только недоумевать. И ждать, пока пройдет эпоха дешевых шлягеров и наступит время песни. В том, что это произойдет, я не сомневаюсь. Но сейчас не хочу искушать судьбу, интуиция мне подсказывает: подожди...

НАШ разговор идет накануне отлета Нани в Париж — там открывается Грузинское культурное общество, и ее с Экой пригласили принять участие в торжествах. Нам интересно, как принимают зарубежных зрителей.

— Очень хорошо. Для них то, что я делаю, — нечто совершенно новое. Но где бы ни проходили гастролы, в зале обязательно найдутся наши нынешние или бывшие соотечественники, которые потребуют песни из старого репертуара. Бывает, я только успеваю шепнуть Медею Гонглиашвили, моему постоянному аккомпаниатору: «Если сейчас попросят «Калитку» или «Снегопад», я просто с ума сойду». А через минуту, уже забыв об этом, совершенно счастливая, пою: «Я еще не успела испить свою осень...».

— Бывали ли курьезные случаи?

— О, сколько угодно. Например, прибываем мы с Медей в подмосковный Калининград. Там огромная афиша: «Народная артистка, лауреат международных конкурсов Нани Бреговдзе». Обе хватаемся за головы — я никогда ни в каких конкурсах не участвовала. Читаем дальше: «Аккомпанирует... Борис Мондрус». Надо было видеть лицо Медеи. Такое оскорбление! Перед началом концерта она категорически заявила: «На сцену не выйду». Я чуть ли не на коленях принялась упрямить: «Ну, подумаешь, не обращай внимания...». В первом отделении вообще старалась в ее сторону не смотреть, но при этом боковым зрением вижу: она что-то мне говорит. Я думала, все еще ругается, а она, оказывается, просила, чтобы я представила ее публике, как положено. Слава Богу, Медея — человек с юмором. Когда концерт закончился, мы принялись хохотать, как сумасшедшие. Я ее потом долго еще дразнила: «Дорогой Борис», «Борис, прошу вас...».

— Расскажите о своем доме, о друзьях...

— Дом и друзья как-то неотделимы друг от друга. Вы же видели: моя квартира никогда не пустует. Я ощущаю постоянную потребность в общении, до сих пор учусь у своих друзей, впитываю все, чем они богаты, эрудицию, образованность, вкус... Я очень дружу с женой Бубы Кикабидзе Ириной, восхищаюсь Гией Данелией, Софиго Чиаурели, Робертом Стурра, Резо Габриадзе... Чувствую духовное родство с Алисой Фрейндлих, в Ленинграде всегда встречаюсь с ней.

— Вы верите в Бога?

— Очень сильно. С детства. Бывая в Москве, хожу в храм Вознесения, что рядом с постпредством. Сейчас я вам признаюсь в сокровенном: у меня как будто бы свой собственный Бог, я с ним советуюсь, прошу о чем-то, а потом, если получится хорошее, обязательно благодарю.

— Когда уезжаете надолго, ностальгия вас мучает?

— Всегда. Вот я недавно была в Швейцарии — изумительная страна, люди живут прекрасно. Но это их родина. А у меня все хорошее — моя семья, родители, дочь, внуки, друзья — здесь, в Грузии. И я это оставляю? Никогда!

Вспоминала и интервьюировала Нелли ГОРЯЧЕВА вместе с Мариной МАЦКАВИЧЕНЕ.

НА СНИМКЕ: Нани и Эка.

Фото Ростислава ФЕДОРОВА.